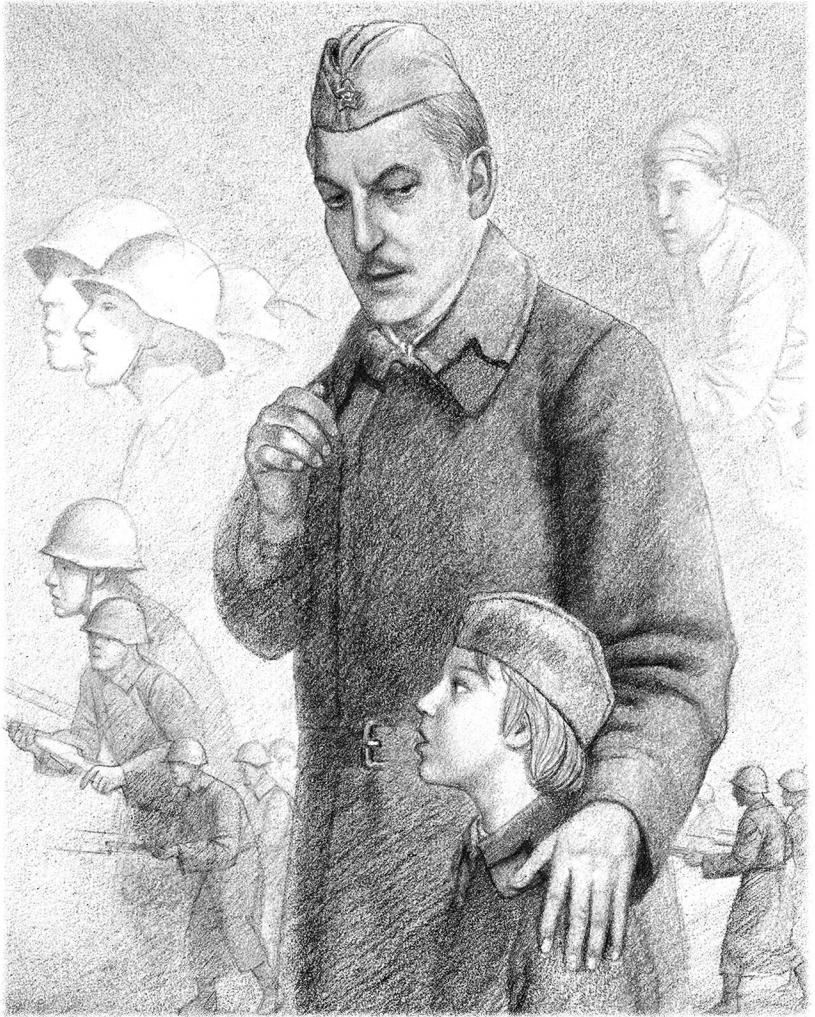

О ВОЙНЕ-ДЕТЯМ

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВ

**КАК СЕРЁЖА
НА ВОЙНУ
ХОДИЛ**

РАССКАЗЫ

КАК СЕРЁЖА НА ВОЙНУ ХОДИЛ

Как это случилось? Как произошло?

Шел тихий дождь. Его и не видно глазом, но, если высунуть из окна руку, дождь слегка покалывал ладошку. Мокрые листья блестяли. От тополей пахло горькой смолкой. А над дорогой курился пар.

Как это случилось? Как произошло?

Вдруг ударил гром, словно с неба на крышу посыпались большие камни и разлетелись в разные стороны: все загрохотало, зазвенело. Сиреневая молния резанула по глазам и тут же погасла.

Серёже показалось, что дверь распахнулась и кто-то вошел в комнату. Мальчик оглянулся: перед ним стоял незнакомый старик. Седая борода клинышком, густые усы подпирают нос, светлые глаза. Одет он был в военное.

— Кто вы? — удивился мальчик.

— Твой дед, — ответил старик.

— Так мой дед был молодым.

— Лет-то много с тех пор прошло.

— Много, — согласился мальчик. — Я давно жду тебя.

— Так ведь путь был долгим, — в оправдание себе сказал дед, и Серёжа заметил, что гимнастерка на деде совсем выцвела, стала почти белой, а на запыленных сапогах сбиты каблуки. — Чего ради ты меня ждешь?

— Хочу войну увидеть. Ты дорогу туда знаешь?

— Знаю, — согласился дед. — С закрытыми глазами найду.

Снова громыхнуло. На этот раз поодаль. И камни были помельче — не так сильно загремели по крыше.

— Не хотелось бы мне возвращаться на войну, — признался дед. — Может быть, не надо?

— Надо!

Дед посмотрел на внука: глаза мальчика были полны решимости.

— Ладно! — сказал дед и глубоко вздохнул. — Надо так надо. Портянки накручивать умеешь?

— Какие еще портянки? — Серёжа сморщил нос.

— Обыкновенные. Солдатские.

Дед достал две свежие тряпицы и ловко запеленал Серёже сперва одну босую ногу, потом другую.

— Теперь можно и сапоги надеть.

Сапоги были велики, и нога в них плавала. Но на детскую ногу военных сапог не шьют. И гимнастерка — военная рубашка цвета жухлого сена — была не по росту, доставала почти до колен. Зато пилотка пришлась впору.

Дед одел внука, оглядел его, остался доволен. И они зашагали на войну, благо дорога была хорошо знакома старому солдату.

Дождик прошел, солнце пригрело, город ожил. Запахло свежей травой и теплым хлебом. Зазвучали голоса, откуда-то доносились обрывки песни. Как зеленая ракета, вспыхивал огонь светофора. Взрослые спешили на работу, дети бежали в школу.

А Серёжа с дедом шли на войну.

Они миновали город и вышли на шоссе. А потом свернули на проселочную дорогу — неровную, изрытую глубокими колеями. Эта дорога шла полями, пробивалась сквозь лес,

по старым заброшенным мостам пересекала реки. По ней никто не ездил и не ходил. Люди забыли, забросили ненужную дорогу. Но она не казалась мертвой. Над ней звенели жаворонки, с гудом пролетали шмели, через нее прыжками перебежали лоси и семенило на коротких ножках семейство кабана. На деревьях, что росли на обочине, не жалея крепких клювов, со стуком трудились дятлы. Время от времени доносился голос невидимой кукушки, словно вѣщая лесная птичка отсчитывала, сколько километров пройдено и сколько еще осталось пройти двум путникам — Серёже и деду. Они шли туда, куда вела их старая дорога, — на войну.

Когда выходили из дома, дед был озабочен и встревожен. Теперь что-то изменилось в его лице: оно стало спокойным и задумчивым.

— Неужели мы снова встретимся! — отвечая своим мыслям, воскликнул дед.

— Ты это про кого? — Мальчик с любопытством взглянул на деда.

Дед как бы очнулся, оторвался от своих мыслей и посмотрел на Серёжу.

— Про своих товарищей. Старшину Волчака вспомнил, Володю Савичева, чукчу Камыкваля. Сколько лет не виделись!

И он стал перечислять имена дорогих ему фронтовых друзей. Не всех сохранила память, но самые близкие жили, светились — не погасло их время.

— Еще следует отыскать нашу роту, — рассуждал дед. — Помню, мы стояли у села Кадушкино. Но точно не скажу, отбили мы уже село у фашистов или только собирались отбить. Вот ведь память стариковская!

В солдатских сапогах шагать тяжело, не то что в кедах. Сапог велик и как бы дышит, а если прибавить шагу, звенит о камни железной подковой, прибитой, чтобы не сбивался каблук.

— Дед, я устал, — к концу дня пожаловался Серёжа.

— И я устал, — признался дед. — Солдаты всегда усталые. Однако сделаем привал.

Путники свернули с дороги, углубились в лес. Серёжа как дошел до разлапистой елки, так и повалился в мягкий зеленый мох и тут же уснул. Ему ничего не приснилось, так крепко он спал. А проснулся оттого, что рука деда легонько трясла его за плечо:

— Пора!

Серёжа вскочил и долго невидящими гла-

зами смотрел на деда: никак не мог взять в толк, где он и куда пора.

— Может быть, вернемся... пока не поздно? — осторожно предложил дед.

— Нет!

Серёжа вспомнил, что он в походе, что идут они с дедом на войну, на которой не был ни один сегодняшний мальчишка, и потому вскочил на ноги и поправил пирожок пилотки.

И вот уже звенят подковками солдатские сапоги и над дорогой дымком вьется пыль.

— Зачем тебе война понадобилась? — на каком-то далеком километре спросил дед.

— Хочу знать, как совершают подвиги.

— Герои! Подвиги! — недовольно проговорил дед. — Это ведь жизни человеческой стоит!.. А знать, конечно, надо, — неожиданно согласился он.

Как это случилось? Как произошло?

Шли дед и Серёжа на давно отгремевшую, давно отпылавшую войну. Шли по старой дороге, где когда-то катили пушки, и громы-хали танки, и месила осеннюю грязь усталая неистребимая пехота, которую в народе любовно зовут «матушкой пехотой».

Сколько дней и ночей шли Серёжа и дед на войну, никто не считал, а сами они сбились со счета.

— Когда же мы придем? — спрашивал мальчик.

И дед устало отвечал:

— Не спеши. Еще навоюемся.

Постепенно Серёжа привык к военному обмундированию. Сапоги стали легче, а воротник гимнастерки уже не тер шею. А когда он надевал пилотку, то звездочка оказывалась точно над переносицей, как и положено. Лицо маленького солдата обветрилось, загорело, а голубые глаза посветлели, словно выгорели от палящего солнца.

Странные перемены происходили в пути и с дедом. Его белая борода неожиданно порыжела, а потом вовсе не стало бороды, хотя Серёжа точно помнил, что дед не сбривал ее. Остались только усы, да и те стали жиденькими — два рыжих перышка. А еще совсем недавно белые густые усы подпирали нос. Глаза у деда повеселели, шаг стал пружинистым, голос твердым. И шел он бодро, поторапливал Серёжу, подавал команду:

— Шире шаг!

С каждым днем дед становился моложе. И только для Серёжи он оставался дедом.

Как это случилось? Как произошло?

Не только с дедом и Серёжей происходили перемены на старой военной дороге. Все вокруг неожиданно изменилось. Светило солнце. Зеленела трава. Небо было голубым. А птицы перестали петь. Откуковала, закончила свой таинственный счет кукушка. Затаились звери. Все замерло. Только между деревьями было видно, как мчатся составы кирпичного цвета с пушками, с танками, а из теплушек, из вагонов, в которых ехали солдаты, доносились обрывки печальных песен. Паровозы не гудели, только тяжело дышали на подъемах.

И когда тяжелая поступь военных эшелонов замерла, Серёже вдруг показалось, что они с дедом одни в целом мире, а все люди, птицы, звери покинули родную землю. Серёже нестерпимо захотелось домой. Он долго крепился, но потом не выдержал и подергал за рукав помолодевшего деда:

— Вернемся домой, дед!

— Поздно, — ответил дед, — теперь уже возврата нет.

— Почему нет? — с тревогой спросил мальчик.

— Мы уже на войне, — был ответ.

— Какая тихая война! — удивился Серёжа. — Я думал, все вокруг грохочет, как гром. А на войне даже птицы не поют. Тихо.

— Да уж тихо, — сказал дед и многозначительно посмотрел на Серёжу.

День был пасмурный, туманный. И в тревожной тишине мальчик услышал шаги. Не громкие, осторожные, как у охотника, идущего по следу. Серёжа огляделся и увидел солдат. Они шли цепью слева и справа. Он оглянулся: сзади тоже шли солдаты. А потом и впереди из тумана возникла цепь. Их серебристые, влажные от росы шинели то отделялись от тумана, то снова растворялись в нем. Солдат было много, и от их тихих шагов едва заметно вздрагивала земля.

Солдаты держали в руках длинные винтовки с примкнутыми штыками и смотрели вперед. Серёжу и деда они не замечали, а может быть, принимали за своих — большой солдат и маленький.

Серёжа посмотрел в лица идущих рядом и удивился. Он думал, что солдаты чужие, не

знакомые, а идущие рядом были удивительно похожи на близких людей. И был один солдат похож на соседа Фёдора Фёдоровича, и был другой солдат похож на дядю Егора. А санитарка с красным крестом на брезентовой сумке была так похожа на маму, что Серёжа хотел окликнуть ее, но в это время кто-то срывающимся голосом крикнул: «Воздух!»

И все солдаты сразу попадали в траву, залегли... почему-то.

Серёжа вопросительно посмотрел на деда.

— Ложись! — строго приказал дед.

— Так грязно, — заупрямился мальчик: он и в самом деле стоял в луже.

В следующее мгновение дед сильным рывком бросил мальчика на землю и упал с ним рядом.

А в небе раздался надсадный рев. Он приближался и становился все сильнее. Казалось, небо стало железным и упало на землю, придавило всех, кто залег, — даже головы нельзя было поднять. Послышался грохот.

Пересилив себя, Серёжа оторвался от земли и увидел совсем низко, прямо над собой, желтые крылья фашистского самолета с черными крестами. И даже летчика успел